

УДК 159.9

ГРНТИ 15.81.29

ПОЛУНДРА. ЖИЗНЬ ПОЖАРНЫХ¹

© 2024 г. Д.И. Рейтынбарг

*Сотрудник Психотехнической лаборатории
Государственного научного института охраны труда
НКТ, НКЗ и ВСНХ СССР, Москва*

Данная работа² Д.И. Рейтынбарга посвящена работе пожарных и написана им после издания психотехнического исследования «Труд и утомление пожарных», авторов Г.И. Левигуровича, Г.О. Нецкого, Д.И. Рейтынбарга (1928). Психотехники из Психотехнической лаборатории Института охраны труда, руководимой И.Н. Шпильрейном, использовали трудовой метод для изучения профессии, который подразумевал овладение профессиональными навыками данной профессии, нахождение внутри профессионального коллектива. Так Г.И. Левигурович, Г.О. Нецкий, Д.И. Рейтынбарг оказались в 1926 и 1927 гг. в различных пожарных частях для проведения этого исследования, которое в дальнейшем легло в основу профессиографирования. Авторы вели дневники, поэтому Д.И. Рейтынбарг, обладая литературным даром и даром популяризации материала, затем обратил записки наблюдателей в интересную книгу для чтения не только специалистами, а простыми гражданами. Все происходившее в пожарных частях он расположил по пунктам: условия работы: помещение, отопление, оборудование; условия работы летом и зимой; общий характер пожарных организаций: рабочий состав, инвентарь; характер работы пожарных: практические и теоретические занятия, уборка, хозяйственные обязанности; досуговая и культурно-просветительная работа части: кружки, ликвидация неграмотности, чтение, развлечения, беседы; общественная работа: общие собрания, профсоюзная и партийная работа; характеристика отдельных работников пожарных частей; отношение к исследователям. Рейтынбарг обратил внимание на то, что быт пожарного плотно связан с его профессиональной жизнью, ввиду того что из всей смены непосредственно на пожаре он занят немного

¹ Впервые опубликовано: Рейтынбарг Д.И. Полундра. Жизнь пожарных. М.: Изд-во НКВД, 1928.

² Аннотация и ключевые слова к статье Д.И. Рейтынбарга составлены Н.Ю. Стоюхиной.

времени, поэтому пожарные часто жаловались на скуку, желание покинуть казарму, низкую оплату, боязнь опасности, малую обеспеченность в случае несчастья, пьянство.

Ключевые слова: история психологии, психотехника, пожарные, трудовой метод, профессиографирование.

КАК ПИСАЛАСЬ ЭТА КНИГА

*Меня все интересовало. Мне хотелось все знать.
Мне хотелось знать и отношение мужика
к его жене и детям, и отношения одного
двора к другому, и экономическое
положение мужика, его религиозные
и нравственные воззрения, словом — все.
А. Н. Энгельгардт. Письма из деревни.*

Весной и летом 1926 г. и зимой 1927 г. Психотехническая Лаборатория Государственного Научного Института Охраны Труда НКТ, НКЗ др. и ВСНХ (Москва) изучала — по заданию Центрального Комитета Союза Работников Коммунального Хозяйства СССР — профессию пожарного (Пожарные, 1928).

Изучение это велось по так называемому трудовому методу, т.е. сотрудники лаборатории дежурили в пожарных частях Москвы, Харькова и некоторых уездных городов Московской губернии наравне со всеми работниками частей, вели во время этих дежурств свои наблюдения и обучались пожарному делу.

Уже первые наблюдения показали, что одна из особенностей профессии пожарного состоит в том, что вся его чисто профессиональная деятельность так неразрывно связана с общими условиями жизни пожарной части, что можно говорить о профессиональном быте пожарного, напоминающем отчасти военный быт, но не похожем на быт профессий с раз навсегда определенным рабочим днем и одним и тем же изо дня в день повторяющимся кругом обязанностей.

Во время дежурства и обучения в пожарных частях все записывалось, поэтому, не только то, что относится к непосредственной профессиональной работе, но вообще все, что происходило перед нашими глазами, и в чем можно различить следующие пункты:

1. Общие условия работы: помещение, отопление, оборудование. Летние и зимние условия работы.

2. Общий характер различных пожарных организаций, с которыми мы имели дело: Москва, Харьков, провинция. Сходство их и различие в отношении рабочего состава, инвентаря.

3. Характер работы пожарных: практические и теоретические занятия, уборка, хозяйственные обязанности.

4. Внепрофессиональная культурно-просветительная работа части: кружки, ликвидация неграмотности, чтение, развлечения, беседы.

5. Общественная работа: общие собрания, профсоюзная и партийная работа.

6. Характеристика отдельных лиц — работников части, наших собеседников и наблюдаемых.

7. Отношение к нам, как к исследователям.

Последний пункт для нас особенно интересен, так как отношение рабочих к приходящим со стороны рационализаторам играет часто решающую роль в успехе или неуспехе всей рационализаторской работы. Никто из нас не может пожаловаться на плохое или невнимательное отношение к нам со стороны рабочих-пожарных, — наоборот, у нас до сих пор сохранились самые лучшие воспоминания о нашей пожарной работе. Но хорошие отношения установились не сразу: ледок между нами и нашими наблюдаемыми таял постепенно и на одном, например, из последних наших дежурств в одной из частей, когда мы отчитывались перед коллективом, некоторые из выступавших говорили: «Эх, отчего вы не рассказали нам обо всем этом с самого начала». Дело было зимой, когда мы, по различным причинам, не сделали обычного доклада в начале работы.

«Полундра» составлена из отдельных записей в наших дневниках. Весь материал дан короткими отрывками: полагаем, что таким образом он становится доступнее читателю, не особенно искушенному в чтении.

С того времени, как велись наши записи, организация пожарного дела претерпела некоторые изменения: в Москве, например, нет теперь конных частей, описанию которых

посвящены некоторые отрывки; московские пожарные перешли, кроме того, на трехменное дежурство. Думается, однако, что общий характер работы в пожарной части, главным образом, бытовая сторона, остались теми же и поэтому наши заметки сохраняют свой интерес до настоящего времени.

Некоторые из напечатанных ниже отрывков принадлежат тт.: А.С. Загорину, Г.И. Левигуровичу и Г.О. Нецкому, вместе с автором этих строк работавшими над изучением профессии пожарного.

Москва, март, 1928 г.

Д.И. Рейтынбарг.

*Полундра, или палундра, международное,
морское, окрик вроде: прочь, отойди,
берегись, стерегись, ожгу, убью!
остережение от падающей вещи.
В. Даль. Толковый словарь.*

*Во избежание несчастий со случайно
проходящими внизу людьми следует
ввести в употребление в пожарной
команде, вместо обычного слова «берегись»,
слово «полундра», что обозначает:
«берегись: падает сверху».
Н.П. Требезов. Пожарная тактика.*

В МОСКВЕ

Недовольны профессией

Предлагаю некоторым из присутствующих устроить беседу о предстоящей нам работе. После обеда созовут. Пока беседуем с отдельными лицами.

Все они работают уже по несколько лет, пришли в часть с военной службы, как большинство, по их словам, пожарных. Жалованье — 62 руб. Мало. Обмундирование: пара сапог — на год; шинель — на три года; папаха — три года, суконный костюм, брюки — год, френч — 2, рабочий полушубок — 3 года, фуражка — на год. Суконце скверное —

расползается, похуже того, из которого пошили себе костюмы «наши начальники», «виноват» (молодой говорит), «наши служащие: ведь, мы хозяева» (смеется). Профессию свою считают опасной. Главная работа зимой, когда приходится выезжать на пожар чуть ли не два раза на день.

— Какие же опасности?

— Можно свалиться с крыши, с лестницы, задохнуться в дыму или отравиться дымом, если горят химические вещества; можно погибнуть от взрыва, получить ожоги, а простуживаются сплошь и рядом. Вода на тебе замерзнет — не сдвинешься с места... Полезай на крышу — оттаивать, потом снова вниз — опять замерзнешь.

Профессией все, как один, недовольны. Ушли бы отсюда, да «некуда податься». Вот разовьется промышленность, уйдут на фабрики... Уже и теперь некоторые ушли. Тогда пожарные части превратятся в проходной двор, как это и было раньше, когда на зиму приходили из деревни крестьяне, чтобы на лето опять вернуться домой.

Казарма утром

Пришел за полчаса до «расчета» (смена) и направился прямо к своей койке. Наливаю себе чай, закусываю принесенным из дому

Читаем газету

Лица здесь все новые: вторая смена. Делаю кратенькое предисловие и приступаю к чтению «Правды». Читаю передовицу, посвященную Февральской революции, телеграммы из Китая, потом фельетон, высмеивающий отдельных представителей царствовавшего дома. Как и во время прежних громких чтений в рабочих аудиториях, замечаю, что острые места: каламбуры, ирония, проходят мимо слушателей. Улыбается и то не везде только один (секретарь месткома, как я потом узнал), этот же вставляет свои замечания, обнаруживающие его политическое развитие. Остальные не меняют выражения лица.

По окончании чтения только один вопрос: чем отличаются меньшевики от эсеров, не одно ли это и то же.

Предлагаю ответить кому-нибудь из присутствующих. «Меньшевики — рабочая партия, эсеры — крестьянская, разница есть», отвечает один.

Учатся

Часов в пять пришла учительница. Она диктует упражнения с десятичными дробями и взрослые, пожилые мужчины, склонившись над столами, слюнявя карандаши, делают тяжелое дело арифметики.

Один из лучших учеников, если не наилучший, это мой колонщик. Он проделывает по несколько раз каждое действие, стараясь постигнуть тайны его механизма. Учительница могла бы быть лучше. Она засушивает своих учеников, ни капли не приспособляясь к их грубому и конкретному восприятию. Поэтому-то они и не знают скобок, путаясь в круглых и квадратных палочках, как в проволочных заграждениях.

После ухода учительницы я сам стал объяснять группе учеников смысл скобок. Я чертил им диаграммы, выискивал сравнения и по лицу их видел, что они довольны. Они закрывали решенную вместе со мною задачу и пробовали раз и два решать ее самостоятельно на чистых страницах. Выходило.

Колонщик

Мой наблюдаемый не расстается с карандашом и тетрадью. Каждую свободную минуту он решает задачи, по много раз повторяя одну и ту же, пока ему становится вполне ясен ее смысл.

За сутки он, должно быть, вполне усвоил значение профессиографии. Он ко мне очень внимателен, предлагает показать колонку в действии, если я этого хочу. Конечно, хочу. Отстегивается колонка, я беру лом, идем к ближайшему колодцу — он тут — рядом с будкой часового.

Шашки, радио

Вечером играю в шашки. Сильно здесь играют повар, кузнец и брандмейстер. Большинство команды валяется на койках. В 9 часов радио, но оно, очевидно, надоело. Послушают, послушают и расходятся.

Старый пожарный

Сегодня здесь гость. Вернулся из деревни «дядя Костя» — 3-аршинный, 65-летний, бритый и усатый, по виду лет сорока пяти и с пальцами толщиной со ствол, который он таскает уже 35 зим (летом он в деревне).

Вот пожарный, так пожарный! Он чистит каску, точно священнодействует, знает наперечет всех брандмейстеров и брандмайоров московских за три десятка лет и рассказывает, что в старое время пожарный находился в казарме 24 часа в сутки без смены, получая в месяц только день отдыха, да и то по усмотрению начальства, а в будни — отлучка на несколько часов «по записке».

— Дядя Костя, а дядя Костя, а были ли у тебя медали-то?

— Как жа (густым голосом), как жа. По всей груди звенело. За пятилетнюю службу медаль, за 10, 15, 20, 25-летнюю службу по медали, одна шейная за исправную службу. Теперь не ношу, племяннику все подарил.

Рассказывает про свою «книжку» — послужной список, где за 35 лет не было ни одного замечания. Теперь книжку увез кто-то за Гранину, как образец.

Товарищи относятся к нему снисходительно. За глаза рассказывают мне, что он в старое время, на пожаре, если поблизости начальство, рванет багром так, что трещит все здание — силы у него хватит.

Деревня. Чтение

Старик весь пропитан крестьянским духом. Рассказывает, что крестьяне сомневаются в смерти Николая Романова. Он и сам, как-будто, не верит. Говорит про тяжелую крестьянскую жизнь, про бедность. Молодой Красников кричит, что жизнь, это — борьба, в деревне лентяи, тебя обижаю — борись, не можешь — погибай, — так устроена жизнь. Старик ругает коммунистов, которые вот теперь, как раз в этот час, заперлись вот у себя и решают какие-то таинственные дела. Этого не должно быть, все должны быть заодно. — «Не нравится тебе», — кричит молодой, — «создавай свою партию. Знаешь что, давай убьем секретаря нашей ячейки... А, не хочешь? Единства нет, а в партии есть. Бот и все!».

Утром я читал вслух газету. Старик доказывал, что плохая продукция «от жидов».

Вечером я читал лекцию «Как читать книгу».

— Красников, иди слушать, как читать книгу (это товарищ приглашает).

— Э, милый, как читать книгу я знаю, кто скажет, как ее бросать...

Красников лежит на койке, как все дни. Он в отпуску, но никуда не уехал. Днем он рассказывал мне про Пинкертона, «Пещеру Лейхтвейса» и внимательно слушал мои объяснения.

Лекцию слушают хорошо, но вопросов нет. По окончании все стремглав бегут ужинать.

Курсы

Вечер идет, как все вечера, как все дни: играют в шашки, в домино, начиная с 7¹/₂-8 часов утра, слоняются из угла в угол, курят. Научился курить и я: за курением удобнее вести беседу.

После моей лекции, слышу, говорят о пользе учения, поднимают разговор о курсах для пожарных. Такие курсы существуют в Москве постоянно, каждая часть выделяет двух человек в год. В течение года проходят: арифметику, начала геометрии, химии, физики, пожарной тактики. У нас в части набегаёт окончивший курсант, ждущий назначения брандмейстером в провинцию. Он очень хочет учиться, но ничего для этого не делает. В первые дни он все просил объяснить ему окружность по геометрии. Я принес ему книжку, он вернул мне ее в тот же день. У него жена и того, он платит алименты за отыскавшегося неожиданно тринадцатилетнего сына. Получает 62 рубля, а брандмейстер в провинции — около ста. Нервничает из-за все откладывающегося решения брандмайора, от которого зависит его назначение.

Первый пожар

А ночью был пожар. Часов около двух я услышал разговор телефониста, длившийся больше обыкновенного. Стал прислушиваться. Действительно пожар. Горят Выселки. Разбудил своего колонщика. Он проснулся, сразу вскочил в свои сапоги и стал

требовать, чтобы скорее давали тревогу, так как телефонист был в нерешительности, не зная твердо, относятся ли Выселки к нашему району или нет.

Заспанные, чешут затылки, надевают полушубки, ругаются, скользят вниз в конюшни, откуда уже несется боевой шум, крики и стук копыт. Зажигаем факелы и мчимся по лесу, по ухабам, одни. Встречаем бегущих на пожар милиционеров, на крутом повороте едва удерживаемся на местах, возле моста наезжаем на тумбу. С треском отламывается часть передка. Проезжаем через железнодорожную линию: надо будить стрелочнику... Приехали поздно. От горевшего деревянного сарая остались одни головешки. Не жалко сарая, жалко сгоревших там пчел, жалко запарившихся лошадей, жалко, что не придется погреться, что публика смеется над нами: тоже пожарные! А пожарные недовольны. Один Звонов громко смеется по дороге на пожар: от радости, что и здесь колонщику не придется работать, так как в этом районе нет воды. Это бывает. Тогда тушат снегом или разбирают горящий дом, выслушивая упреки и насмешки окружающих зевак, которые иногда швыряют в беспомощных пожарных камнями, и не наступают на них сильнее только потому, что боятся багров и лопат.

Помощник брандмейстера приказывает засыпать головешки снегом. Ему самому предстоит еще трудная работа: он должен составить акт. Трудится он 40 минут. Ожидающие с нетерпением пожарные шуточно обсуждают это обстоятельство. Но вот и начальник (не начальник, а «ты, «Ваня»), и мы едем домой. Едем шагом. Факелы размешивают темноту, в ней тает свет, как сахар в чае.

Не по правилам

Утром я чистил каску. Пробовал несколько изменить инструкцию: плевал не на пальцы, а на грязную тряпицу. Подошел брандмейстер:

—Нет, так у вас ничего не выйдет...

Не знаю, сердится он или сочувствует, но он нагибается к кирпичному порошку, начинает работать пальцами, обильно смачивая их слюной. Я сравнивал начищенную им половину со своей. Мне казались обе одинаковыми.

Второй пожар

На пожар нас вызвали «по второму номеру». Это значит, что местная часть с делом не справляется, что требуются две вспомогательных части.

Мчимся во весь дух, чуть не вылетая на поворотах и разгоняя на улице пешеходов и торговцев на рынке. Едем со звоном и криком, блестящие, как солнце, на радость всем мальчишкам. Берегись! Эй берегись! Трамвай нам уступает дорогу, автомобили сторонятся. Я стою на линейке во весь рост, позади помощника брандмейстера, и смотрю на город с точки зрения пожарного.

Вот и горящий дом вдали. Дым черный и густой, как шевелюра, на двухэтажном деревянном строении. Колонка уже поставлена, линия проложена. Стало быть, нечего нашему тюленцику делать.

Плотной стеной по обеим сторонам улицы толпится публика, оттесняемая милицией. Посередине мостовой вьется толстая змея рукавов. Пустые и дряблые вначале — они вздуваются, когда изнутри их коснется вода, оживают от упругой струи, которая в них играет, как мускулы под кожей. Расстояние между двумя людскими стенами то суживается, то снова расширяется усилиями красношапых распорядителей. Тяжело дышат машины приехавшей до нас части, бьют копытами наши лошади. Кучера смотрят с завистью на горящую крышу: «Эх, хорошо бы туда, не устоишь тут!»

Подхожу поближе, вижу длиннейшие усы брандмайора (начальник над пожарными всей Москвы и губернии), его блестящую каску, черный сюртук с разрезом сзади и невысокие резиновые сапоги. Он уже немолодой, но пожарные рассказывают, что он с необыкновенной ловкостью взбирается на крышу, когда это нужно. А когда нужно, он знает...

Колонщик мой без дела: ходит взад и вперед. Работает колонка первой части. Колодец наполнен водой до краев, колонщик лопатой выливает воду, но это мало помогает: вода снова стекает вниз.

Вдоль линии бегают румяный «старший по рукавам» первой части. Он ни на минуту не останавливается, смотрит все ли в порядке. По окончании пожара он скатывает рукава выливая из них одновременно воду, и несет к своей машине.

А пожар понемногу уменьшается. Дым редет. Вот не стало его совсем. Вот снова из окна облако, но его разбивают и кучера замечают издали, что наши топорники слезают с крыши.

Отбой второму номеру. Медленными шагами приближаются к нам топорники. На касках у них копоть, почернели от копоти и лица.

Наезд

На обратном пути на первый «возок» (где рукава) на всем ходу наскочил грузовик с сельдями. Миг — и были бы перебиты ноги лошадям, да, пожалуй, и люди могли быть вышвырнуты. Но сильные лошади наехали на передок автомобиля и таким образом катастрофы избежали. Все соскакивают, бегут к месту столкновения. Там милиционер беседует с задержанным шофером.

— Эх, вот она (мать!) наша жизнь пожарная (мать, мать!). Не в огне погибнешь, так от грузовика (много раз мать!)...

Об этом говорят всю дорогу, смакуя каждый момент события, об этом говорят еще весь сегодняшний вечер, вспоминая всевозможные случаи такого рода, происходившие в нашей части или слышанные от других.

Кто чем

Сегодня дежурит ствольщик Фирсов. С утра он мастерит уголок авиахима для красного уголка, пилит, сколачивает доски, днем он обтягивает свое сооружение красным, вечером слушает по радио «Фауста», а ночью бодрствует.

Бородин целый вечер строгаёт что-то: делает приспособление для плетения сетей. Он из рыбацкой деревни и, между прочим, рассказывает некоторым из присутствующих о рыболовных тонкостях.

Третий пожар

На этот раз выезжает с нами сам «хозяин» — брендмейстер, несмотря на то что нынче не его очередь: должно быть «застоялся». Он нервничает, хриплым голосом отдает приказания, по пути криком регулирует движение следуемого за нами обоза (мы на передней линейке).

Пожар близко, в общежитии шелкопрядильной фабрики. В одной из общих кухонь от раскаленной плиты загорелись сложенные тут же дрова. Сгорело несколько поленьев, пожар успели потушить до нашего приезда.

Гуськом идем к месту происшествия. Оно во втором этаже, в запутанной системе коридоров. Кухня имеет жалкий вид. Пол залит водой, дымно, горит маленькая керосиновая лампа в руках одного из жильцов. Из кухни выгнали всех, толпа жильцов стоит за дверью, изредка заходит кто-нибудь справиться о сушившемся здесь белье, о посуде. Среди публики молодой растерянный пожарный в форменной шинели и грязной каске. Он служит в местной — фабричной — дружине. Оказывается, что мы прибыли раньше дружины, живущей в том же дворе.

Пожарные хорошо ориентируются в коридорах. Они уверенно поворачивают где нужно, точно дома. На обратном пути, когда проезжаем мимо фабричного двора, пытаются определить, в котором из корпусов горело. Помощник брендмейстера ошибается два раза, безошибочно находят даже окно горевшей кухни два-три человека на нашей линейке.

Выезд

В три часа выезжаем на пожар. Колонщик стоит у машины и ждет распоряжений брендмейстера. При первом же взгляде на улицу колонщик показывает мне, где пожарный водопроводный кран, откуда он будет брать воду. Однако, тушить не пришлось — загорелась сажа и к нашему приезду почти все погасло. Зашли в две кухни, на чердак и на крышу. Убедились в полной безопасности и уехали.

Как к нам относятся

За столом (в первое посещение), слышу, молодой пожарный с мрачным лицом шепчет соседям о том, что хорошо бы, мол, нас пустить к лошадям, тогда бы узнали жизнь пожарного. Мне начинает казаться, что другие также не доверяют нам.

Заявляю, что мы будем принимать участие в культурной работе части. Меня окружают со всех сторон, дают указания, как нам себя вести: надо, чтоб нам выдали сапоги, «боевую», рукавицы, чтоб мы не простудились, не промокли...

За обедом, в кухне, за длинным столом рядом с плитой, напротив меня сидит пожарный, тот самый Красников, который в первое посещение наше зло нашептывал соседям об испытании нас лошадьми где-нибудь на крутом повороте, или во время чистки. Он ни минуты не молчит, повторяя буквально через каждое слово ругательство с самыми большими богословскими и анатомическими подробностями; — подобного я не слышал. Произносит он каждое с сердцем, с чувством. Голос у него немного хриплый, с одышкой. Я узнаю из разговора, что у него больная грудь (туберкулез), что он с завтрашнего дня в отпуску, и что здесь считают его «чудаком» за злой язык и за бесконечные рассказы о своих похождениях. Мишенью для шуток он выбирает и меня, мой интеллигентский вид и предстоящие мне на пожарном поприще трудности. Я сильно смущен, но стараюсь этого не показать, втайне довольный, что он уходит в отпуск.

Читаем Жюль-Верна

Красников прислал мне Жюль-Верна, четыре «романа» — в одном томе. Часов в 10 утра он пришел сам, залег на койку с младшим моим топорником и с неослабевающим вниманием слушал громкое чтение. Приглашают и меня в компанию, я не отказываюсь. И вот мы втроем на двух койках, ничего, что на чужих, это принято. Красников посередине. Мы, крайние, читаем по главе поочередно, Красников только слушает. Вокруг собираются по временам и другие слушатели, посидят, послушают и уходят. Постоянен и нетерпелив один Красников. Он торопит товарища, когда тот уходит на несколько минут по дежурству, не дает нам отдохнуть. Я пробую объяснить слушателям значение и смысл сочинений Жюль-Верна. У Бородина загораются глаза, в дальнейшем

он с особым интересом прислушивается именно к научным (географическим, зоологическим), местам изложения и подчеркивает их голосом, когда читает сам. Красникову все эти места скучны. Его интересуют опасности, приключения, любовные дела и быт. Он шумит, когда речь идет об еде и питье, о блестящем образе жизни и постоянно вслух старается угадать дальнейшее, в то время как Бородин (второй) после моего объяснения относится к отдельным частям как к необходимым винтикам произведения...

...Когда вернулись с пожара, Жюль-Верна ни в красном уголке, ни в казарме не оказалось, его унес Красников, чтобы мы без него не читали.

...Утром (через день) пришел Красников и рассказал мне, что случилось в мое отсутствие с героями Жюль-Верна. Рассказывал очень оживленно, приглашая участвовать в чтении и сегодня. Отказываюсь, потому что целый день пишу. Время от времени приходит ко мне Красников с информацией о ходе нового романа: «инженер уехал», «она не идет за него» или (возбужденно): «знаете, в 400 каралов (каратов) алмаз он нашел, да. Вот штука! Что-то дальше будет»...

Опять читаем

Сегодня не было пожара — и ночью я решил снять сапоги, почему и выспался лучше, чем спал во время прежних дежурств.

Оба моих наблюдаемых свободны от дежурства по части и проводят целый день, как все другие, то есть, частью в хозяйственной работе, частью на часах, но, главным образом, не делая ничего определенного.

Сегодня, как все дни, я читал вслух газету. Слушают охотно, но вопросов задают мало. Прочел большую передовую и предложил кому-нибудь рассказать содержание. Раньше отказывались, потом двое взялись с некоторою робостью, но основное поняли и передали удовлетворительно.

Позже читал перед менявшимися слушателями небольшую книжку Гиляровского «Москва и москвичи». Это воспоминания старого журналиста о московских трущобах — и все слушали с захватывающим (буквально) интересом любопытные живые описания старой Москвы. Места все знакомые, знакомы и некоторые фамилии — домовладельцев, трактирщиков — и это придает книжке дополнительную прелесть. Слушают даже старики, а мой ствольщик просит дать ему книжку на дом, он не все слышал.

Скучно

Все ведут себя как один: спят, ходят, курят, сидят, разговаривают, играют в шашки. Редко кто занимается усидчиво, всех одолевает скука. Мне кажется, что профессия действует разлагающе, отучаешься систематически работать. Усилия пожарного распределены в высшей степени неэкономно: длинные нерабочие дни, когда умираешь от скуки, и напряженнейшие короткие часы работы на пожаре.

Мало «пожарного»

Посмотрел свои записи и вижу, что чем дальше, тем меньше профессиональных наблюдений: неоткуда их взять. Если бы не тревожные звонки, можно совсем забыть про пожарное дело. Учение, о котором мне в первый день говорил брандмейстер, не производится; за две недели моей работы здесь, его проводили раза два — каждый раз меньше часа. В дни выезда на пожар оно, конечно, излишне, в другие дни мешают хозяйственные работы и просто не особенно горячее желание заниматься.

Общественная жизнь

Присутствовал на отчете о работе Московского Совета, сделанном на заседании месткома. Докладывал пожарный же, член районного Совета. Он работает в Совете, продолжая служить в части, и на завтра должен был тот же доклад делать на большом собрании. Пожарные к своему выборному относятся хорошо, подшучивают над его мнимой командировкой за границу: за границу командировается однофамилец — член президиума Моссовета, и кто-то сострил: «та же шапка, да голова не та».

Доклад изобиловал цифрами, которые докладчик читал из тетради. Вопросов вначале мало, потом раскачались. Спрашивают про пожарные, водопроводные мероприятия, но и пошире — о благоустройстве Москвы, о финансах.

Город и деревня

Сегодня пришел лектор и читал собравшимся в красном уголке об итогах 14 партийного съезда. Слушать его пошли, главным образом, партийные, но были и беспартийные. Часть отказалась, говоря, что охотнее послушают про «Москву и москвичей», о которых читал вслух я.

После лекции были толки о взаимоотношениях крестьян и рабочих. Все волновались. Обижались за крестьян, без которых не была бы возможна революция и которых теперь смеют не принимать в партию наравне с рабочими. Больше всех кричал старик «дядя Костя». Он ругал тех, кто приходит с такими лекциями. Другой, тоже крестьянин, кричал, что будет хорошо только тогда, когда уничтожат «этих попов» — агитаторов и пропагандистов. Защитники противоположной точки зрения были менее активны. Спорили целый вечер.

Раньше хуже было

Сравнивают теперешнее житье со старорежимным. Несмотря на то, что теперь живется скверно — все же раньше было хуже: «и по морде били, и притесняли». Выйти на улицу будто бы нельзя было вовсе: «А если и выйдешь, то не знаешь, куда и деться». Почему? «Да известно — пожарные, — засмеют!». Но все же в материальном положении семейным пожарным и теперь живется туго. В свободное время многие ходят на заработки: чистить сажу, починять печи, отбрасывать снег.

Прощание

Сегодня я здесь последний день. Недостающие записи сделаем по возвращении из Харькова и из Московской губернии, где предстоит работа в пожарных же частях.

Пожарные прощаются очень сердечно, просят рассказать им по возвращении о харьковских пожарных.

Вася Туркин, кучер, предупреждает, что в провинции под Москвой будет очень трудно работать, «народ там некультурный».

В другой части. Рабочий день

Время до 10 часов протекает в вялых разговорах, все скучают, лежат, ходят по казарме. В 7 часов в красном уголке урок политграмоты, но из моей комнаты почти никто не пошел: «Не хотелось».

Впечатление от проведенного дня таково: свободного времени у пожарных много, расходуется оно неразумно, бессистемно, что, конечно, в значительной степени зависит от самих пожарных. Времяпрепровождение пожарных всех специальностей в общем одинаково, во всяком случае оно определяется не профессиональными различиями, но личными особенностями: одни запоем играют в домино, другие большую часть времени лежат, третьи постоянно находят какую-нибудь работу и носятся из казармы в гараж, из гаража в слесарную мастерскую и т.д., и т.д.

По моему мнению, следовало бы усилить культурно-просветительную работу среди пожарных, и чем-нибудь заполнить свободное время.

Практические и теоретические занятия оставляют желать много лучшего в отношении методики.

Утро началось с уборки гаража: подметают пол, обтирают и чистят машины, каски и пр.

В 9 часов утра — сдача дежурства второй смене.

Как малые ребята

Небольшой группе пожарных я предложил динамометр³ и показал, как нужно с ним обращаться.

Сильно заинтересовались. Собралась вся казарма. Оживились. Жали по несколько раз. Появилось чувство соревнования. В надежде больше выжать проделывали гимнастические упражнения на кольцах и подходили опять. Позвали

³ Динамометр — прибор для определения силы сжатия.

нескольких пожарных из другой смены, парикмахера, телеграфиста и дворника. Оживление дошло до того, что несколько человек, затеяли борьбу и сцепились друг с другом

Некоторые усиленно стали работать на кольцах. Вообще динамометр внес большое оживление и заинтересовал всех пожарных, как малых ребят.

Тяготятся профессией

Все пожарные, с которыми я беседовал, сильно тяготятся своей работой и рады при первой возможности переменить свою профессию на другую или перейти в нестроевую часть.

Учение

То же сигнальное учение, что и прошлый раз. По-прежнему некоторые разбираются очень плохо в отдельных сигналах. Плохо различают обозначение для правого, левого и среднего ствола, некоторые путают сигналы: «вверх по лестнице» и «вниз по лестнице». Я думаю, что следовало бы разработать методику обучения сигналам и вести особые занятия с неуспевающими.

После сигнального учения — занятия с французской лестницей во дворе. Стоят в строю в боевой одежде и по сигналу трубача каждые три человека поочередно ставят французскую лестницу, укрепляют ее веревками, лезут на высоту трехэтажного дома, возвращаются, складывают лестницу и опять стоят в строю. Прodelьвают все это с неодинаковой быстротой: некоторые раскладывают, ставят и укрепляют лестницу в течение 1 минуты 20 секунд другие — в течение 58 секунд. Одни взбираются по лестнице вверх в течение 15-17 секунд, другие — 10-12 секунд.

В 3 часа занятия в красном уголке. Руководитель закончил чтение инструкций. Затем прочел статью из журнала об автоматических огнетушителях и пожарной профилактике. Занятия приняли более оживленный характер, когда руководитель в беседе коснулся некоторых практических мер пожарной безопасности. Ставил вопросы, пожарные отвечали. Например, какие горящие вещества нельзя тушить водой, какие нужно принять на пожаре предохранительные меры для предотвращения возможности

взрывов, представляют ли какую-нибудь опасность большие мучные склады, находящиеся вблизи пожара и т.д.

Зима. Новая часть. Казарма

По расположению своему местная казарма отличается от казарм, знакомых нам с прошлого года. Красный уголок, телефон и канцелярия здесь не наверху, а внизу, где гараж, кухня конюшня и сушильня. Хорошо, что нет дребезжащего рядом телефона, не слышно звонка, люди не вздрагивают каждый раз, как в других частях.

Отличается, как-будто (на первый взгляд) и состав. Из моих соседей один читает «Войну и Мир», другой Достоевского, что именно, не заметил. Шофер читает «Анну Каренину» а под матрасом отведенной мне койки я нашел книжку: «Как самому изучать русский язык».

Зато в 12 часов явился пьяный — из предыдущей смены и. замертво свалившись на койку, проспал до самого вечера. «На этот счет у нас строго», говорит, однако, мой сосед: «преследуют, если кто увидит».

В красном уголке играют в шахматы грамотнее, чем в других частях.

Жалобы

Жалуются на холод, уверены, что сегодня будет пожар, даже два, один большой, по «второму номеру», ночью.

Жалуются на трудное дежурство на каланче. Пользы от нее мало, а стоять два часа заставляют. А там скользко, ветер.

Топят только раз в сутки и только две из четырех печек.

Воды нет: лопнула водопроводная труба, ее чинят перед самым помещением части, поэтому выезжают через другую улицу в обход. На кухню, поэтому, берут воду из ближайшей колонки по рукаву и либо вовсе не умываются, либо умываются в общежитии, или берут воду наверх в тут же находящуюся «теплую» уборную.

Топорники

В то время, как один из наблюдаемых мной младших топорников, пожилой, серьезный и спокойный человек, все почти свободное время посвящает чтению, лежа на

койке, — другого никогда не видно. Он все свободное время просиживает у себя дома (тут же в общежитии для семей), изредка показываясь в части либо для того, чтобы наскоро выполнить кое-какие служебные дела, либо для того, чтобы поиграть с товарищами в «фишки».

Рабочий день

Занятий при мне никаких не производилось. «Занятия у нас летом, сейчас холодно».

Шофер (работает 6 лет) сердито сказал: «Нет физического труда, не хочется ни есть, ни спать. В Красной армии — там тебя подтягивают, там почувствуешь». В казарме почти никогда никого нет: все где-то слоняются, некоторые часто забегают к себе домой. Лишь к вечеру, когда дело идет ко сну, люди собираются у печки, начинаются разговоры. Темы: служба в старой армии, быт, начальство, пожарные воспоминания. Крепко и часто ругаются, употребляя выражения, уже вошедшие в плоть и кровь разговорного «товарищеского» языка. Не стесняются присутствием женщин и детей...

Некоторые на ночь надевают боевую. Ругаются, что придется выезжать в такой сильный мороз.

Четвертый пожар

Выезжаем только раз, вечером. Помощник брандмейстера (дежурный) несколько задерживает отправку, чтобы все могли одеться и не простудились в незастегнутых кафтанах. Извещение получили личное: мальчик прибежал в будку. Выехали в 7 час. 25 мин., вернулись в 8 часов. Горело в кухне. Загорелся хлам на печке от раскаленной трубы железной печки, от занявшейся и сгоревшей занавески огонь перешел на обои, которыми оклеена вся кухня, и на бумагу, которой забита щель между дымоходом и потолком: «чтобы не дуло», как объясняют бледные жильцы. В передней толпится много народу — своих и чужих. Помощник брандмейстера спокойно и неторопливо осматривает все углы и закоулки в кухне, на печке и на чердаке. Очень трудно объяснить, как загорелось: обоев нет, следы огня в разных углах, хозяйки не знают. Помощник доискивается причины пожара с необыкновенной тщательностью, пока не

останавливается на наиболее приемлемом (описанном выше) предположении о хламе. Тогда он приглашает меня на печку, затем на чердак и обстоятельно разъясняет, как все произошло. На печке фантастический хлам, трудно вообразить, зачем здесь свалены и в каком случае могли бы пригодиться жильцам: ножки от стульев, клеенка, мочалка, тряпки, вата.

Спокойствие начальника хорошо действует на жильцов. Услышав, что одну из присутствующих зовут Лизой, он мягко ее спрашивает: «А скажите, Лизочка, что это у вас за занавески?». Это рассеивает на мгновение угрюмое настроение.

Пятый пожар

Сегодня около 25 градусов мороза. Бродим все, ежась от холода и кутаясь в шинели. Спускаясь вниз, в красный уголок, берем с собой на всякий случай все необходимое: шлем, рукавицы и прочее.

Утром собирались читать, но приготовление прервал резкий звук тревожного звонка. Спешка, суета, хруст брезентовой одежды, крики--и через минуту мчимся к месту пожара.

Горит длинный двухэтажный деревянный дом, бывший трактир, перегороженный внутри фанерой, досками, занавесками... Ушла жилища, не заперев печки, и весь этот материал вспыхнул, как спирт. Дворник побежал звонить в пожарную часть, но по дороге забыл номер телефона: вышла сильная задержка — и когда мы приехали, огонь пробивался сразу в нескольких местах к улице и со двора.

Брандмейстер (должно быть потому, что приехали поздно) в волнении бегаёт с места на место, надрывается, отдает приказание прокладывать линию, звать на помощь соседние части (второй номер!). За ним по пятам группа пожарных, так же сильно волнующихся, как и их начальник.

Из окон горящего дома летят вещи — белье, сундуки, платье. Визжат женщины. Вот выскочил из окна нижнего этажа высокого роста мужчина, неся в руке... тарелку с селедкой, а в другой — бутылку. Публика плотным кольцом обступила группу наводящих порядок милиционеров. Место перед горящим зданием свободно, только на

противоположном тротуаре группы вздыхающих, плачущих и ломающих руки погорельцев, охраняющих спасенный скарб.

Поставлена колонка, проложены рукава. Все затруднение в том, что нельзя наступать на огонь со всех сторон: мало сил. А в это время среди групп бродящих во дворе жильцов идет разговор о том, что в доме, вот в этом крайнем окне, остался ребенок с няней.

Наши ствольщики поливают пламя с крыши и снизу. Через несколько минут они мокрые с головы до ног, а по улице — потоки воды, как после сильного ливня.

Слухи об оставшемся в доме ребенке дошли до брандмейстера. Он бросается стремглав к окну, и с большим трудом втискивается в узкую раму. Комната полна густым, грязно-молочным дымом. Через полторы-две минуты брандмейстер снова в окне — с красными глазами, задыхающийся и выхаркивающий липкие комья копоти. А сзади на него надвигается огонь. — Поиски оказались безуспешными.

С трудом брандмейстер выбирается из комнаты и его сменяет топорник. Топорник нащупывает забившегося под кровать уже мертвого ребенка и сильно ранит при этом свою руку.

Приехавший помощник брандмайора бросается в окно, и вскоре возвращается с обгоревшим уже слегка трупом няни.

Теперь пожаротушением распоряжается помощник брандмайора. Приказывает сорвать со стен деревянную обшивку и сам устраивает для этого приспособление. Вокруг горящего здания, сверху, снизу и внутри работают пожарные трех частей, огонь усиливается, но это уже не страшно, потому что обнаружены центры («очаги») распространения и все опасные пункты под контролем.

Наш топорник с перевязанной рукой немедленно отправлен в часть на брандмайорской машине, а через час приказ всей нашей части ехать домой отдохнуть.

Мокрые, грязные, усталые и возбужденные садятся люди в машину. 25 градусов мороза.

Дома помогают друг другу стаскивать покрывшуюся ледяной корой одежду, сушат рукавицы, пьют чай, смывают копоть с лиц. Через час снова на пожар: надо добить огонь, разобрать полы, исследовать каждый уголок — нет ли где при знаков скрытого пламени.

Мороз к вечеру усилился. Постепенно разъехались все части. Наша осталась одна, попеременно работая и греясь небольшими группами у костров.

Стволы сменены топорами и лопатами. Надо счистить толстенный слой грязи, проверить, все ли в порядке.

Работу закончили в 9 часов вечера.

В ХАРЬКОВЕ

Казарма — одна комната, очень большая. Кровати в длину, вдоль стен, в два ряда. Один ряд для дежурящих, другой — для свободных. Часть комнаты отделена решеткой: это — красный уголок. Рядом с ним провал, ведущий в гараж. На другой стороне дверь, большой стол, телефон. Отдельно на маленьком столике вода для питья и примус. У стены шкаф с ящиками для одежды. Паровое отопление. Ряд окон.

Сигнал подается прямо из управления брандмайора, звучит несильно, нерезким звуком. Телефон в казарме только для переговоров, но не для вызова.

Квартира брандмейстера за коридором, сообщение с гаражей — через казарму, и при тревоге брандмейстер приходит всегда последним. Это задерживает часть. Также задерживает получение путевки, которая подается в окошко гаража и должна быть написана по всем правилам канцелярского искусства.

Дежурят в части семь-восемь человек, спускаются в гараж по одному столбу. Столб тонкий деревянный, лакированный, не совсем ровный, есть опасность занозить себе руку. В гараже (превращен из сарая для конных ходов) автомобиль с центробежным насосом, переделанный из грузовика, и механическая лестница на автомобиле (отдельно).

Люди заняты здесь больше, чем в Москве: один дежурит по команде, один дневальный, один на воротах, а всего семь человек. Убирают двор, метут и моют часто казарму, чинят рукава и орудия. Ложатся спать в одиннадцать-двенадцать часов, встают в пять. Утром обязательные теоретические занятия (читка вслух) — читает дежурный, быстро и без остановок, — вопросов нет.

В М-СКЕ (ПРОВИНЦИЯ)

Город

М-ская пожарная часть находится в центре города. Собственно, весь город в центре. Почта, церковь (одна из четырех), библиотека и музей, водокачка, единственная гостиница, Совет и торговые ряды — все это расположено вокруг и на обширной базарной площади, в середине которой летом пруд. Здесь все дома каменные, отсюда разбегаются в разные стороны деревянные улицы, переходящие через версту в поле и деревню. До вокзала версты полторы-две.

Оборудование

Пожарная часть расположена в тесном сквозном дворе. Тут конюшня с 8 лошадьми; казармы и квартиры: брандмейстера, начальника уездной пожарной охраны, двух живущих здесь с семьями пожарных; навес, под которым стоит бочка и несколько саней; дровяной сарай и будка часового. Обозный сарай находится рядом со двором и при закладке приходится лошадей поворачивать, что нежелательно — это их нервирует (сказал брандмейстер). Запряжка на всех почти ходах «русская», с дугой; сбруя в сарае подвешена к потолку. Много постромок, вожжей, при закладке немалая, должно быть, путаница. Хода все старые, один ход даже местного производства.

Стара и боевая одежда пожарных, висящая тут же на вешалке. Очень толстые брезентовые костюмы, тусклые каски с заплатками на месте прежнего Георгия. Каски чистят раз-два в неделю (так сказали мне). Каланчи нет. Была, да сломали.

Брандмейстер служит здесь с 1922 г., когда он окончил Московские курсы, по пожарному делу работает 8 лет, а всего ему 27. Профессии не хочет менять, пошел бы на

фабрику. в пожарную охрану. Во время его службы, — рассказывает он, — многое здесь переменялось к лучшему.

Население помогает

Условия работы здесь отличаются от московских. Главное отличие в том, что в больших городах на пожаре работают одни профессионалы, посторонние же совсем не допускаются к горящему зданию, здесь, наоборот, весь расчет — на рабочую силу населения. Но последнее не дисциплинировано. Ничего не стоит толпе любителей в два счета разрушить горящую халупу — «на-ура», а отвечает потом УПО (Управление Пожарной Охраны). Чтобы ввести дисциплину, надо население организовать в специальные общества содействия, обучать. Он, начальник УПО, организовал здесь в М-ске такое общество из 25 комсомольцев, но оно развалилось: дисциплина была слабая. Прибежит такая орава на пожар в касках и... трусиках, пожарный авторитет в глазах крестьян сразу и непоправимо падает.

Горимость

— Много ли пожаров?

— В городе совсем нет, даже зимой редко горело. Горит часто деревня. В уезде за зиму был 161 пожар, на 50 больше, чем в прошлом году. Пожары большей частью овинные, как всегда в дождливое лето, когда хлеб нельзя сушить на солнце.

Выезжает команда и на деревенские пожары, если они не дальше, чем в 3-4 верстах, но это бывает редко. Самый большой пожар был зимой чуть ли не в десяти верстах, туда съехалось много дружин, но результаты были не блестящие.

Дежурства

В части 12 человек, работают в 4 смены: 12 часов дежурят, 36 отдыхают, отправляясь домой в ближайшую деревню, — кроме двух, живущих здесь же. Три дневных дежурства чередуются с тремя ночными. Из трех дежурных один на часах (2 часа), другой у телефона, третий отдыхает. Так как телефон звонит в общем 2-3 раза в день (пожарные говорят: «редко звонит», а сам я больше не насчитал), то отдыхают, стало быть, двое. Впрочем, всегда найдется работа: наколоть дров, привезти воды,

приготовить лампы (электричество только до часу), подмести двор, сколоть лед, съездить с больной лошадей в ветеринарную лечебницу. Утром все чистят лошадей. Денное дежурство начинается в 8 утра, ночное — в 8 вечера.

Во время пожара

Как же поступают во время пожара? Это как придется. Когда тревога, надо первым делом закладывать лошадей. Так и делают, не без суеты, как все здесь признаются. Выезжают на пожар, однако, не только дежурные, но и живущие тут же пожарные, и брандмейстер, и начальник УПО. Если кого-нибудь в части нет, это не беда, из любого места в центре можно успеть прийти без риска опоздать. На пожаре все зависит от способностей начальника. Он должен распоряжаться, организовывать публику, в общем, спасать положение.

Где тут специальности! Не до этого... Со стволом лезет иногда сам брандмейстер, а остальные делают, что прикажут, или, что гораздо хуже, чего не прикажут (это зрители). Страдает, конечно, горящее здание. Самый высокий дом в городе высоты 2¹/₂ этажей и до крыши его не хватает местной «французской» (раздвижной) лестницы. Но ничего, горят одноэтажные дома, видать их со всех сторон — это начальник УПО меня утешает, доказывая, что я не нуждаюсь в «боевой» для изучения нужных мне специальностей. Не нужно мне и сапог, вряд ли я промочу ботинки. Как это? Да очень просто. В городе имеется водопровод и даже две колонки старого образца, т.е. приделанные неподвижно к колодцу, но рукавов все равно не хватает до отдаленной части города, приходится орудовать бочкой.

Бывает и так. Во время пожара выезжает, так называемый, «универсальный ход» — линейка со всем наличным составом и частью инвентаря. Приедешь, оказывается ход ни к чему, надо вернуться в часть, снова закладывать лошадей в другие хода.

Закладка продолжается 3-3¹/₂ минуты. Так сказал брандмейстер.

Казарма

Казарма занимает две комнаты. Первая — маленькая, передняя. Здесь вешалка, телефон, небольшой столик и две скамьи. Сидеть (или лежать) на одной из них, возле печки, и значит дежурить у телефона.

Ступенькой выше — вторая комната, побольше. Середину ее занимает печь. Четыре кровати, платяной шкаф, библиотечный шкаф, столик. Все стены обиты плакатами. В красном уголке в той же комнате: плакаты, портреты вождей, длинный стол, покрытый красным, на столе чернила, газеты, бюст Ленина. Большая часть книг в библиотечном шкафу в переплетах, взял верхнюю — «Цемент» Гладкова.

В казарме чисто. Гораздо чище, чем в московской части. В каждой комнате по урне и урнами действительно пользуются, так как на полу не видно окурков и спичек, хотя дымят здесь целый день. Я сам видел, как пожарные бросали в урну спички и окурки, а сидя в большой комнате, я слышал, как в соседней Гришин (у которого лошадь откусила нос) доказывал, что «чистота — это наше здоровье». После еды и чаепития аккуратно вытирают стол, моют стаканы, подметают пол. На двери наклейка: «граждане, на чужья кровати просим нелажыца».

Мало пожарных бесед

Мало пожаров — и понятно, почему здесь так мало чисто-пожарных бесед. В московской части не проходит дня, чтобы кто-нибудь не вспомнил о выдающемся случае из пожарной практики, чтобы вообще кто-нибудь не завел разговора на пожарные темы. Частые выезды дают новую пищу для разговоров и, таким образом, создается традиция, которая кажется мне нелишней. Здесь же тема отмирает очень скоро, а новой — ждать долго. Сегодня днем, например, был выезд по ложной тревоге к местному артиллерийскому складу. При складе, между прочим, и своя пожарная охрана. Наши проехали минут сорок. Меня при этом не было, а к вечеру, к моему приходу, об этом уже не говорили. Я сам затеял разговор по этому поводу. Кто-то рассказал, как загорелась однажды на том же артскладе сера, когда выкуривали клопов из казармы — и все, больше пи у кого не нашлось материала.

Но нет скуки

С другой стороны, здесь не замечается и тягучей скуки, свойственной московской части. В шашки играют, но не с таким азартом, как в Москве, где игра начинается с 7(4-8 часов утра и кончается в 12 час. ночи. Может быть, оттого что люди здесь молодые, не успели еще втянуться, может, оттого что работа при четырех сменах и не позволит им войти, как в Москве, так глубоко в пожарную жизнь. Скорее всего, однако, оттого что люди живут здесь не только пожарными интересами. Все 12 связаны активно с крестьянством, имеют свое хозяйство в версте-двух от М-ска и после дежурства идут домой (исключение один-два человека).

Такой состав и своеобразное совместительство делает коллектив не похожим на московские части. Здесь нет таких азартных политических споров, как в Москве, где в одной казарме лбом ко лбу сталкивается город и деревня, здесь нет таких настойчивых и бесконечных жалоб на низкое жалование, на плохие условия жизни, несмотря на то что на 35 рублей в месяц с семьей не очень разживешься. Желанья очень скромные-увеличить смену на одного человека и немного прибавить жалованья. Еще черта. Я пробовал несколько раз читать вслух: газету, книжку. В Москве слушали очень внимательно, задавали вопросы, приходным сами просить продолжать. Здесь нет, очевидно, никакой охоты; послушают, как будто в полусне, и конец.

— Интересно?

— Гм-гм-э-э-э-э-да...

— Читать еще?

Что-то неопределенное в ответ. Я начинаю читать про себя.

Пожарный разговор

Вечером пришел в казарму начальник УПО, пришел и брандмейстер, собрались все бывшие здесь пожарные и беседовали до 12 ночи. Постепенно разговор перешел на пожарные темы.

Брандмейстер впервые на моих глазах оживился: «Пожарное дело — это великое дело» — так учил курсантов К.М. Яичков, — говорит он.

Я писал уже, что брандмейстеру профессия пожарного нравится, переменить ее он не хотел бы, теперь он доказывает это в беседе с пожарными.

Приносит спасательную веревку, искусно заплетенную кольцами. Стоит отвязать один конец — и она, брошенная сверху, вся выпрямляется.

— Полундра!..

Но никто из пожарных этого слова не знает. Он снова завязывает веревку, делает любовно разной величины петли «для красоты», рассказывает о разных способах вязки: «воронье крыло», «колбаса», показывает, как делают «спасательную люльку».

Пожарные видят это впервые и задают вопросы, как новички.

Начальник УПО говорит о расчетах пожарной струи, о колонках, о различных системах насосах — и это для публики ново.

Почему бы, спрашивается, не устраивать таких бесед регулярно....

Будут улучшения

Днем начальник УПО показал мне чертеж новой конюшни и обозного сарая. Проект переустройства принят третьего дня на заседании комиссии Горсовета. Конюшня будет позади обозного сарая, как в Москве. Будет увеличен инвентарь и количество лошадей. Вероятно также расширение личного состава до 8 человек в дежурство при четырех сменах, или до 16 при двух. Между прочим, это объяснил мне помощник начальника, четыре смены выгоднее двух: не приходится платить за переработку; на пожар же, как правило, выезжает не только дежурная смена, но все живущие при казарме и случайно здесь находящиеся: неловко, мол, не поехать, да и поразмяться, вероятно, хочется.

Моя смена

Но вот и моя смена. Три молодых еще человека, старшему 24 года. Работают по несколько лет.

Один глухой и «с дуриной». Товарищи к нему относятся явно снисходительно, даже слегка насмешливо. Он дежурит у телефона вместе со всеми и только по биению молоточка видит, что звонят. Разговор же телефонный воспринимает с трудом, говорит,

что сильно шумит. Утром он вместе со всеми чистит лошадей, потом скалывает лед и через час становится весь мокрый от брызг.

Второй ничем особенно не отличается.

Третий (о котором я упоминал раньше) носит черную повязку, закрывающую нижнюю часть его носа. Потом, умываясь и сняв повязку, он рассказал мне в чем дело. В соседнем городе, тоже в пожарной части, его укусила за нос лошадь. Дело было так. Лошадь запрягал другой, она вырвалась, он, пострадавший, схватил ее за узду. Лошадь рванулась, ударив его в колено. Падая, он почувствовал боль в носу. Схватился рукой — кровь. Одну ноздрю лошадь совсем вырвала, другую исковеркала. Рассказывает он обо всем очень спокойно, надеется на обещанный ему страхкассой искусственный пос. Я думал, что это дело было давно, он уже успел позабыть. Оказывается, что прошло только полтора месяца.

Состав

Во всей части был только один комсомолец, теперь ни одного. И партийных ни одного. Грамотны все, но не одинаково. Малограмотные ходят в школу. Даже во время дежурства — от 6 до 8 вечера.

Заседание

Вечером в части было заседание группкома союза. Обсуждали резолюцию последнего губернского съезда профсоюзов и «разное». Один из присутствующих читал по книжке резолюции ц, пункт за пунктом и давал объяснения. Вопросов нет. Читал долго, все устали и постановили закончить на НТО- в «разном» говорили «о культработе на летний период» — о постройке водной станции и площадке игр, утверждали мету для культкомиссии. Смета до невероятия бедна и заседание сурово вычеркивало два пера, «промокатку», резинку и какую-то неизвестно для чего понадобившуюся «Вайманскую бумагу». (Очевидно, Ватманскую). Сошлись в общем на двадцати рублях.

«Броненосец Потемкин»

Сегодня вечером был здесь разговор о «Броненосце Потемкине». Картину ходят смотреть все по очереди. Бесплатно. Одним понравилась. Рецензия: можно смотреть без скуки. Петров, бывший милиционер, фронт и неутомимый корреспондент в стенную газету, против картины: ерунда это. Во-первых, потому, что она не закончена — так, какой-то отрывок. Во-вторых, она не совпадает с действительностью — ведь восстание было сломлено. В-третьих, самое главное, товарищ, служивший в матросах, рассказывал, как там кормили — никогда во всю свою жизнь он так много и сытно не ел, подумайте, каждый день — чара вина, а тут взяли и выдумали небывалое тухлое мясо. Нет, не картина, а ерунда.

Кстати, не знаю ли я, куда делся с броненосца лейтенант Шмидт?

Люди

Сегодня я дежурю с Труновым, Козловым и Соколовым. Трунов радостно сообщает, что пожарным быть ему уже недолго — он поступает в кооператив продавцом.

Петров — бывший милиционер — рассказывает про свою жизнь. Был военным, имел много возможностей учиться, но не использовал ни одной. Конечно, «по собственной вине». Учиться не поздно и теперь, хотя он платит половину своего жалованья за содержание двух своих детей — от разных матерей. Служба милиционера лучше пожарной: «интересу в ней больше». Тут и уголовщина, и приключения, и возможность Себя проявить. Вот он выследил преступника, арестовал его, вел в М-ск, а по дороге упустил. За это и слетел. Но ничего, «можно и так жить». А заботиться, пожалуй, что и не о чем.

Разговоры

Разговоры у нас не прекращаются. Говорят теперь о похоронах. Нервный Трунов горячо настаивает, чтобы с музыкой хоронили всех членов профсоюзов, для этого должны быть при союзах постоянные музыкальные команды с «камплимейстерами» — иначе государство в борьбе с попами мало успеет. Тем более должны так хоронить членов профсоюзов, погибших при совершении «служебного подвига».

Разговор раскалывается надвое. Одно дело — попы Государство не борется с попами. Хочешь религию — плати попу, не хочешь — не надо. Есть деньги — нанимай музыкантов.

Но попов никто не хочет здесь, это я слышу не впервые. Трунов рассказывает про поповскую агитацию во время знаменитого М-ского пожара, свидетелем которого он был еще мальчиком. Поп вышел с крестным ходом, повесил икону на дальнем перекрестке; «ну огонь, конечно, дальше не пошел, а не будь иконы, наверно, погорел бы весь город» (смех).

Нет, «долгогривых» никто здесь не уважает. Но что считать подвигом? Брандмейстер против широкого толкования этого понятия. Надо различать от геройства простое исполнение профессиональных обязанностей, особенно опасных обязанностей пожарного, солдата во время войны. Трунов считает героем того, кто до конца стоит на посту — даже подчиняясь приказу. Например, ствольщик на крыше. Про него забыли. Он не уходит, пока не вспомнят о нем, хотя все разбежались.

— Это исключительный случай, согласен брандмейстер.

— Ну, а если приказывают идти в самый огонь со стволом, это не подвиг?

— Нет, это служба. Если не пойдешь, я не стану держать тебя в части.

В В. (ПРОВИНЦИЯ)

Брандмейстер

Он работает пожарным уже 19 лет, а от роду ему 37. Служил в пожарных частях Москвы, Ленинграда, был брандмейстером в порту, и в пожарной части при железнодорожных мастерских, кончил в В., откуда он родом, ремесленную школу слесарем, затем школу шоферов в Ленинграде. Простудился во время взрыва порту и схватил жестокий ревматизм. «На старости» потянуло на родину. Осел теперь здесь, строит дом. Предлагали ему место начальника УПО, отказался: не хочет ответственности.

Команда. Горимость

Вся команда — четыре человека, брандмейстер пятый. Дежурят по одному, по 8 часов с 24-часовым отдыхом между двумя дежурствами. Лошадей 4, пятая продана, потому что «пятнала», это она искалечила Гришину нос. Лошади исполняют пожарные обязанности и служат, кроме того, местным властям для развозов. Бывают целыми днями в отлучке. Нет ни телефона, ни каланчи.

Со смехом показывают мне номер «Коммунального работника», где в карикатурном виде изображен выезд на пожар брандмейстера и единственного пожарного, тут же небольшая статейка о В-ской команде.

В комнате новый человек — один из команды. Рассказываю, откуда я, зачем приехал. Вот как. Они приветствуют это начинание. Говорю про профессиональный отбор, это сильно интересует.

Брандмейстер задает вопросы: как быть, если способности не совпадают с желанием, как поступать в том случае, если профсоюз против снятия с работы негодного работника.

Спрашиваю про пожары, позже прошу рассказать мне про жизнь в старых командах.

Пожаров в В. было за всю зиму 10, большей частью небольшие, их успевали вовремя ликвидировать.

Как жили раньше пожарные

Как жили раньше пожарные? Жили бессменно в казарме. Раз в месяц ходили в баню, если за ними не было никаких проступков, в другие дни редко когда их отпускали. Чуть какая провинность — их лишали и положенного отдыха. Не переобувались, таким образом, месяцами; портянки, а затем и ноги начинали преть, были случаи, когда пожарные лишались ног. Потом вышло разрешение на ночь разуваться, но с условием, что это не отразится на скорости сборов и выездов. «Стали пожарные покупать себе носочки», успевали вовремя, но одни покупали хорошие носки, другие — дрянь, и простуживались сплошь и рядом. Бывало, что выскакивали босиком зимой. Раз сам

рассказывающий так выскочил и уехал бы босиком, если бы не товарищ-кузнец, вынесший ему обувь.

А дисциплина была строже военной. Утром встанешь в расчет, брандмейстер сочтет все пуговицы, посмотрит блестят ли сапоги. Некоторые брандмейстеры заставляли пожарных приседать — с руками врозь и проверяли все ли швы целы. А помощник московского градоначальника говорил:

— У меня чтобы все блестело на пожарном, чтобы каждая кухарка за него умирала!

Это слышал сам рассказывающий.

Оборудование

После завтрака брандмейстер повел меня осматривать пожарные владения.

Теплая каменная конюшня на 7-8 лошадей казарма с двумя печами по краям, светлая. Команда ютится у печей, середина пуста. Рядом с казармой две свободные комнаты. В одной свалены машины бывшей здесь когда-то типографии. Пустует также большое двухэтажное здание, как много других домов в городе. Хорош и обозный сарай, сам обоз плох, как и старая русская запряжка. В низком сарае, во дворе же, запаршивевший жеребенок — брак с конного завода. Брандмейстер надеется его выходить, будет хорошая лошадь. Жеребенок заметно поправляется. Но холода мешают ускорить дело.

В казарме снова пожарный разговор. Присутствуют 3 человека команды. Вчера заключили с ВИКом (Волостной Исполнительный Комитет) коллективный договор. Выдадут спецодежду, поставят умывальник, жалованья будут получать 35 рублей, как в М-ске.

— В общем, обиды никакой не имеем.

Касок на всю команду только две, боевая одежда старая, грязная.

Потомственные пожарные

Беседа с брандмейстером заставила меня обратить внимание на переход пожарной профессии по наследству от отца к сыну, о чем я не раз уже думал раньше. Часто

пожарным делом занимаются два брата. Это относится как к высококвалифицированным работникам, так и к работникам рядовым.

Ночевка

Мне показывают кровать, где я буду спать. Брандмейстер с женой, вместе с дочерью и приемным сыном лезут по приставной лестнице на широченную печку, где вчетвером и спят (их квартира была когда-то пекарней).

Проснулся я в восьмом часу. Все были уже на ногах и говорили шепотом, очевидно, чтобы меня не разбудить.

Общественник

Пришел брандмейстер. Разговор заходит на общественные темы. Он, оказывается, член местного совета, работает в секции благоустройства. Избран в школьный совет, и дочь просит отца при переводе в следующий класс не срезать ее. Брандмейстер жалуется на несознательное отношение граждан к городскому имуществу: дома систематически разрушаются.

— Что очень важно для пожарного — это чувство товарищеской солидарности. Помощник брандмайора в Ленинграде говорил: «Дома что хотите делайте, может любить друг друга или не любить, это ваше дело. Но до первого пожара. Там вы — одно целое».

— Бывают случаи сведения личных счетов во время пожара. Был в Москве брандмейстер Новиков, пожарных он за лютей не считал. И вот во время пожара кто-то из части нарочно перешиб ему руку тяжелой рамой. Крикнул для формы «полундра», когда рука была уже перебита.

В С-ВЕ (ПРОВИНЦИЯ)

Рабочий день

Рабочий день С-ского пожарного, в отличие от московского, протекает в непрерывной деятельности. В девять часов утра он вступает в смену и обычно сейчас же приступает к какой-нибудь работе: по уборке двора, конюшни, ремонту машин и т. п.

В двенадцать — обед. После обеда без всякого перерыва снова приступают к неоконченной работе. В первом часу дня поят лошадей и снова к работе, если нет практических занятий.

В четыре часа обычно пьют чай. После чая иногда немного посидят, отдохнут, но через некоторое время (в зависимости от наличия и срочности хозяйственных работ) снова к делу.

При мне к семи часам заканчивали все работы и сидели в дежурной комнате.

Если в это время команда не чувствует большой усталости, то брандмейстер ведет занятия — беседы на пожарные темы. Если же сильно устали, то просто сидят, отдыхают, беседуют, играют в шатки. Но случается, что и в это время приходится работать. Это бывает, когда нужно срочно снарядить и отправить в уезд пожарную машину.

Своими средствами

В материальном отношении команда сильно стеснена. На отпускаемые средства нет никакой возможности наладить хозяйство: обмундирование пожарных, содержание комнатного и надворного инвентаря и т.д. Команда сумела выйти из этого положения своими собственными силами. Из среды своих же пожарных были выделены плотник, столяр, шорник, портной, сапожник и повар. Если необходимого специалиста среди пожарных не находилось, то всячески старались привлечь такого со стороны. Выделенные работники, входя в штат, освобождаются от дежурств и нарядов, но принимают участие в ученье, выездах на пожары и ежедневно не меньше восьми часов работают по своей специальности.

Таким образом, команда при незначительных затратах получила возможность обмундировать пожарных, провести большой ремонт, оборудовать помещение столами, скамьями и т.д.

В настоящее время пожарные выполняют также решительно все хозяйственные работы по содержанию в порядке своего помещения и имущества: чинят крышу, красят печи, белят помещение и т.д., и т.д.

Кроме того, пожарные, под руководством брандмейстера выполняют различные технические работы по ремонту машин, разбирают, запаивают, красят, лакируют и проч. И при этом ремонтируют не только свои машины, но всего уезда.

Наконец, много приходится работать по обслуживанию трубочистного подотдела, находящегося здесь же, при команде: возят для него глину, песок, кирпич и проч.

Такое обслуживание трубочистного подотдела тоже вызвано крайней необходимостью. Этот подотдел: представляет хозрасчетную организацию на жаловании, дает некоторый доход и для проведения своей работы нуждается в посторонней силе.

Использование недежурных смен

Смена, сдав свое дежурство, отправляется в общежитие, здесь же при команде. Обычно эта смена пользуется полным отдыхом, но на пожар она выезжает вместе с дежурной. Случается, что брандмейстер, в силу необходимости, просит отдыхающую смену принять участие в какой-нибудь коллективной работе, требующей непременно большого количества людей (поднятие больших тяжестей, срочная работа и т.д.).

Причина всего этого — недостаточный по количеству штат и обилие всякого рода работ.

Интересно отметить, что на большие пожары выезжают не только все смены пожарных, но и трубочисты. Их 13 человек и больше половины из них живет при команде.

В Н-СКЕ (ПРОВИНЦИЯ)

Вся пожарная команда состоит из одного начальника и четырех рабочих. Работают в 3 смены, так что дежурит только один человек — по 8 часов. Три дня подряд дежурит, один день отдыхает. Сутки разбиты на три смены, от 12 дня до 8 вечера, от 8 до 4 утра и от 4 до 12 дня.

Помещение для пожарных — грязная низкая комната, разделенная перегородкой надвое. На стенах следы побуревших от времени и сырости обоев носят на себе следы от большого количества раздавленных клопов. Если внимательно всмотреться в щели,

можно различить целые полчища живых насекомых. При постукивании по обоям насекомые падают вниз. В большом количестве водятся здесь и тараканы. Пол в высшей степени грязен. Но здесь же, на этом полу, спит пожарный, который ночью должен сменить своего товарища, так как коек только одна.

Из этой комнаты ведет дверь в пожарный сарай. Здесь сыро и холодно. Помещение старое (76-78 лет), деревянное. Потолок в одном месте обвалился, его заделали. Обоз — два насоса и две бочки. Сарай и ворота построены крайне нерационально: неудобно вводить лошадей, неудобно запрягать.

Работа пожарного, главным образом, в уходе за лошадьми: кормить, водить на водопой, чистить, убирать конюшни.

Из спецодежды пожарным выдают лишь куртки и брюки. Касок и сапог нет. На пожар выезжают в обычных шапках, на ногах валенки. Сегодня все пожарные сидят в дежурной комнате. Почему? — спрашиваю.

— На дворе мокро, сапог у нас нет, у всех валенки. Ходить по мокрому неохота, вот и сидим здесь.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЛИЦО ПОЖАРНОГО

К пожарным плохо относятся

...К пожарной части относятся плохо и население и власть: бездельники, говорят, коты, кумовья-пожарные валяются целыми днями, ничего не делают.

— А, небось, никто не хотел бы видеть нас у себя часто...

По мнению моего собеседника, В-ского брандмейстера, безделье это являлось раньше причиной плохого отношения к пожарным. На пожарных не смотрели, как на людей. А ведь пожарное дело подвигается вперед, надо, чтобы подвигались и люди, которые этим делом занимаются. Вот пишет Яичков (показывает книжку), что раньше мы только оборонялись против пожаров, теперь начинаем на них наступать; это правильно.

Пожарный — тот же трудящийся

Брандмейстер (М-ск) учит аккуратности во время пожара. Раньше пожарные не столько тушили огонь, сколько портили имущество. Власти не очень были заинтересованы в бережном отношении к зданию и вещам. Вот, например, исправник в одном уездном городе ни за что велел вылить 9 бочек воды в трубу трактира, когда горела сажа: просто зол был на хозяина, а назавтра должен был быть базар, вот он и сорвал трактиру большую выручку. Много было случаев покрывания властями поджогов. Построит купец фабричку за 1000 рублей, застрахует ее на пять тысяч (это допускалось), подожжет — новую построит — и так несколько раз, пока вырастут огромные фабричные корпуса.

Что же в результате? Презрительное отношение к «куму, пожарному». А ведь он такой же трудящийся, пролетарий

Теперь дело другое. Пожарный должен и может бороться за свое достоинство, не допуская на пожаре «никакой бузы».

Как меняется облик пожарного

(Беседа с начальником пожарной охраны НКПС)

Вопрос. Почему общественное мнение плохо относится к пожарному: «кум-пожарный» и проч.?

Ответ. Я думаю, что «кум-пожарный» — это не выражение плохого отношения. Здесь сказывается уважение к высоким физическим качествам пожарного, преклонение перед геройством, перед пренебрежением к опасности. Плохо то, что все эти чувства по отношению к пожарному испытывали только кухарки. Но на моих глазах отношение к пожарному меняется, благодаря изменившимся общественным условиям и развившейся технике. Теперь от пожарного вовсе не требуется выдающаяся физическая сила, как это было раньше. Зато от пожарного требуются технические знания и уменье. Он входит в семью техников, становится необходимым членом многих совещаний, особенно при возведении строений. Это конечно, меняет весь его облик. С другой стороны, пожарный действует осмотрительней — не просто льет воду и ломает... ведь пожарные часто приносили больше вреда порчей имущества, чем пользы тушением; например, только

вследствие обилия воды сильно пострадал архив Донского монастыря. Теперь воду начинает заменять химическое огнетушение и железнодорожных пожарных часто называют «сухарями» именно потому, что они на пожарах потребляют мало воды.

ВМЕСТО ВЫВОДОВ

Приведенные отрывки не представляют собой чего-то цельного, сделанного по определенному плану. Это не более, как выдержки из наших дневников. Чтобы изучить влияние быта рабочего на его профессию, нужно этот быт длительно и тщательно изучать со всех сторон. Это относится к профессии пожарного так же, как ко всякой другой профессии.

Но в профессии пожарного быт откровеннее, чем в других профессиях, вклинивается в общепрофессиональную жизнь. Потому-то наши отрывки должны представить некоторый интерес в непосредственной связи с изучением профессии.

Какие темы повторяются чаще всего в наших отрывках?

Скука. Очень скучно дежурить 24 часа подряд в казарме. Не знаешь, куда деться, что с собой сделать. И люди рады любой забаве, набрасываются, как малые ребята, на все новое и так же быстро, как дети, остывают.

Нельзя не предположить, что такая тягучая, в очень слабой степени регламентированная жизнь медленно, но верно подтачивает способности человека. Пожарный никем и ничем не побуждается к движению вперед и активность его парализуется.

Мы ничего не слышали об изобретателях-пожарных, как слышим каждый день об изобретателях-рабочих и крестьянах. Мы не слышали пожарных песен, легенд, хотя помногу и подолгу беседовали с рядовыми и с ответственными работниками, ели и спали в казармах. Но мы видели, как в пожарном коллективе создается своеобразное суеверие, вера в приметы: кто-то дома не так чихнул или сон приснился, значит, сегодня обязательно будет пожар. Понятно, что случайное совпадение укрепляет мысль человека на предопределенности связи между его сном и пожаром, и он в это начинает верить.

Мы видели также, что создаются часто мелочные обычаи, которые держатся неизвестно зачем. Такой обычай показан в отрывке, где брандмейстер не позволяет чистить каску тряпкой, а обязательно пальцами, как, вероятно, учили и его.

Недовольство пожарного, желание выскочить из стен казармы увеличивают тяжесть положения. В провинции эта неудовлетворенность слабее, но провинциальные работники очень мало похожи на пожарных. Связанные с крестьянством, ведущие свое хозяйство в свободное от дежурств время, они скорее всего наемные рабочие, чистящие лошадей, убирающие двор и т.д. Между тем от провинциального работника в большей степени, чем от работника большого города надо было бы требовать дополнительной — организаторской — квалификации, потому что в провинциальном городе при тушении пожара сильно рассчитывают на население. И пожарный провинциальный — это, конечно, едва ли осуществимо в ближайшие годы, но принципиально это правильно — должен уметь справляться с организованной (может быть им же) для тушения пожаров группой населения.

Откуда растет недовольство пожарного? Оно имеет много причин. И низкая оплата, и боязнь опасности, малая обеспеченность в случае несчастья, непривычное распределение рабочего времени, скука. Одним из следствий этой неудовлетворенности является, может быть, усиленное пьянство — причина увольнений и выговоров. В книге приказов по Управлению Пожарной Охраны Москвы и губернии читаем, что нетрезвы шофера (приказ № 55, 15 марта 1926 г.), что даже брандмейстеры позволяют себе пьянствовать вместе с частью (приказ № 49, 19 февраля 1926 г.).

Индивидуальные особенности работника проявляются ярко в пожарной части. Пьянствуют, конечно, не все. Мы встречали и описали прилежных, углубленных в себя, стремящихся к образованию людей. И надо заметить, что это люди немолодые. Но все дело в том, что в казарме может поблекнуть и человек с возможностями. «Теряешь охоту», признавались нам многие. Это верно. Нет цели. Многие приходили слушать наши беседы и читки, даже пожилые. Но только у незначительной части хватит мужества самим взяться за учебу.

Политико-просветительная работа — это в данном случае очень хорошее средство, действует слабо, потому что ведущие эту работу лица (по крайней мере те, которых мы видели) недостаточно подготовлены, и потому что они не могут возбудить интереса, так как не знают людей, с которыми имеют дело. Тут возникает несомненная потребность изучить влияние на коллектив (в данном случае пожарный — со всеми его особенностями) различных форм культурно-просветительной работы. Попытки подойти к этой теме показаны отчасти в отрывках, описывающих чтение, беседы, отношение к кинофильму. В общем картина такая, что несколько не увязаны программы и планы, разрабатываемые, сверху со стремлениями и возможностями низовых организаций. Вот дополнительный характерный пример. По приказу 41 начальника Пожарной Охраны Москвы и губернии от 30 января 1926 г. предписывается сотрудникам Управления п инспекторам делать доклады на специальные темы в самом правлении для сотрудников и в пожарных частях. Чтение газет и книг по специальности и общеобразовательных в пожарных частях обязательно. Помощник брандмайора при посещении им части должен производить проверку знаний пожарных. В Приказе № 51 от 25 февраля 1926 г. отмечается, что лекции никем не посещаются.

Приведенные отрывки показывают также, что профессия пожарного не стоит на месте. Медленно и постепенно она подвигается вперед.

Пожарный становится техником — таков путь профессии. Прежний пожарный, бессменно дежуривший в части, не только не видевший, но и боявшийся, стыдившийся увидеть свет, отошел к прошлому. Обаяние физической силы уступает место уважению перед знаниями, культурностью и высоким значением профессии. «Ломай, качай и не рассуждай!» — единственная формула старого пожарного заменяется формулами более современными.

Пожарный выходит на широкую общественную дорогу. Мы писали выше про московского пожарного — члена Совета, писали, как активно относятся к общественным явлениям пожарные. Мы встречали деятельных общественных работников-пожарных и в провинции.

К общественной стороне профессии обернулся и высший командный состав.

Вот что пишет тифлисский брандмайор Беридзе в статье «О конкурсе для премирования театральных пьес из пожарной жизни» («Пожарное Дело» № 10, 1925 г.). К пожарным часто относятся плохо потому, что не знают их жизни. В художественной литературе (кроме, как в сочинениях А. Зорина) пожарных нет. Есть много случаев, достойных описания и даже показывания со сцены (пример: каланчевой, прозевавший, стоивший ребенку жизни пожар и покончивший из-за этого самоубийством). Должен быть учрежден фонд для премирования пьес из пожарной жизни. Автор статьи Беридзе посылает в этот фонд 50 рублей из денег, полученных им в награду за 25-летнюю службу.

На эту статью откликнулись рядовые работники, об этом можно прочесть в дальнейших номерах «Пожарного Дела».

Не знаю, был ли такой конкурс объявлен, а если и был, то каковы его результаты. Думается только, что пьесы из пожарной жизни, брошюры, специальные исследования, кинофильмы необходимы для того, чтобы широкие круги населения могли поближе познакомиться с профессией, которая незаслуженно остается до сих пор вне общественного внимания.

ЛИТЕРАТУРА

Пожарные / Под ред. И.Н. Шпильрейна. М.: Изд-во НКВД, 1928.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2024. Статья опубликована: 11.04.2024.

UNDER BELOW! THE FIREFIGHTERS' LIFE

© 2024 D.I. Reitynbarg

*The researcher of psychotechnical laboratory,
State Scientific Institute of Labor Protection,
People's Commissariat of Labor,
People's Commissariat of Public Health and Supreme Council
of National Economy of the USSR,
Moscow*

This work by D.I. Reitynbarg is dedicated to the work of firefighters and was written by him after the publication of the psychotechnical study "Labor and fatigue of firefighters" by G.I. Levigurovich, G.O. Netsky, D.I. Reitynbarg (1928). Psychotechnicians from the Psychotechnical Laboratory of the Institute of Labor Protection, led by I.N. Spielrein, used the labor method to study a profession, which implied mastering the professional skills of a given profession and being within a professional team. This way G.I. Levigurovich, G.O. Netsky and D.I. Reitynbarg appeared in various fire departments in 1926 and 1927 to conduct this research, which later formed the basis for vocational training. The authors kept diaries, therefore D.I. Reitynbarg, possessing a literary gift and the gift of popularizing the material, then turned the notes of observers into an interesting book for reading not only by specialists, but by ordinary people. He arranged everything that happened at the fire departments point by point: working conditions (premises, heating, equipment); working conditions in summer and winter; the general nature of fire organizations: workforce, equipment; nature of the work of firefighters (practical and theoretical classes, cleaning, housekeeping duties); leisure and cultural-educational work of the department (clubs, literacy, reading, entertainment, conversations); social work (general meetings, trade union and party work); characteristics of individual fire department employees; attitude towards researchers. Reitynbarg drew attention to the fact that the life of a firefighter is closely connected with his professional life, due to the fact that out of the entire shift he spends only a short time directly at the fire, so firefighters often complained of boredom, a desire to leave the barracks, low pay, fear of danger, and low security in case of accident, drunkenness.

Key words: history of psychology, psychotechnics, firefighters, labor method, professionography.

REFERENCES

Shpilrein, I.N. (Ed). (1928). *Pozharnye [Firefighters]*. Moscow: Izd-vo NKVD Publ. (in Russian).

The article was received: 10.03.2024. Published online: 11.04.2024.

Библиографическая ссылка на статью:

Рейтынбарг Д.И. Полундра. Жизнь пожарных // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2024. Т. 9. № 1. С. 195–239. DOI: 10.38098/ipran.orgpr_2024_30_1_010

Reitynbarg, D.I. (2024). Polundra. Zhizn' pozharnyh [Under below! The firefighters' life]. Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]. 9(1). 195–239. DOI: 10.38098/ipran.orgpr_2024_30_1_010

Адрес статьи: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document999.pdf>